

УДК 81'1+ 81'42

СИСТЕМО-АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

В.И. Иванова

Тверской государственной университет, Тверь

Традиционная и современная лингвистика рассматриваются в их отношении к двум главным подходам в лингвистике – системоцентрическому и антропоцентрическому. Современная лингвистика квалифицируется как системо-антропоцентрическая, переход к которой от системоцентризма произошел в теории речевой актов.

***Ключевые слова:** традиционная лингвистика, современная лингвистика, системоцентрический подход, антропоцентрический подход.*

В [2] традиционная лингвистика определяется как термин, употребляемый представителями структурализма для обозначения тех направлений в языкознании, которые, следуя традиции, не ограничиваются микролингвистическим описанием языков, но включают также и металингвистику, не располагая, однако, точными методами её изучения. Исходя из приведённого определения традиционной лингвистики, современную макролингвистику можно квалифицировать как «современная традиционная лингвистика». Такая лингвистика и в настоящее время не располагает пусть не точными, но в достаточной степени разработанными методами.

Микролингвистика в американском языкознании (в структурном направлении) рассматривалась как лингвистика в собственном смысле слова, имеющая дело с анализом языковых систем, или, точнее, структур языков. Соответственно её метод является способом теоретической систематизации предварительно выявленного языкового материала [9: 3]. Этот метод характеризуется как системоцентрический.

Традиционный подход, по мнению В.М. Алпатова, был антропоцентрическим [1]. Системоцентрический подход, при котором язык стал рассматриваться как полностью внешнее явление по отношению к исследователю, начал распространяться в науке о языке в конце XIX в. и особенно в начале XX в. Образцом для науки о языке стали признаваться естественные науки. Этот путь лингвистике был указан Ф. де Соссюром, он был реализован в различных направлениях системо-структурного языкознания.

В разные периоды истории лингвистики соотношение антропоцентрического и системоцентрического подходов было различным. В современной лингвистике различие между двумя подходами сводится к противопоставлению изучения системы языковых средств и их употребления, использования [5].

Возможности системоцентрического подхода продемонстрированы в генеративной грамматике, а переход от системоцентризма к антропоцентризму предпринят в теории речевых актов (далее – ТРА). Речевой акт рассматривается как способ достижения человеком определённой цели. Под этим углом зрения рассматривались используемые в речевом акте языковые

средства. В ТРА субъект речевой деятельности понимался как абстрактный индивид, являющийся носителем ряда характеристик. Теория речевых актов абстрагировалась от всего многообразия факторов реального общения. Диалог, обмен речевыми актами, целостный акт социального взаимодействия в ТРА не исследовались. Такой редукционизм на первом этапе исследования речевого общения способствовал получению целого ряда позитивных результатов. Были продемонстрированы эмпирически обоснованные описания многих закономерностей реального речевого общения [3: 5]. Сужение области исследования позволило теории речевых актов сфокусировать внимание на детальном описании внутренней структуры речевого акта – элементарного звена речевого общения [7: 11]. От языковой семантики в ТРА был сделан плавный переход к иллокутивной семантике, коммуникативно-целевой семантике [3: 5], переход от системоцентризма языкового к речевому системоцентризму, но ещё не анропосистемоцентризму и тем более не к современному антропоцентризму.

ТРА удалось показать, что минимальной единицей человеческой коммуникации является не предложение, а осуществление определённых актов, таких как констатация, вопрос, приказание и др. Как отмечается в [4: 223], эта постановка проблемы оказалась созвучной тем взглядам в лингвистике, для которых характерно стремление выйти за пределы предложения, раздвинуть рамки лингвистического исследования. С теорией речевых актов лингвисты связывали надежду выйти за пределы материала, обрабатываемого чисто лингвистическими методами, но при этом разработать достаточно надёжный инструментарий. В.З. Демьянков указывает на незавершенность и на продолжающееся становление ТРА в 1990-е гг., а также отмечает, что перспективы применения ТРА весьма многообразны [цит. раб.: 232]. Они получают развитие в современной лингвистике.

Соотношение современной и традиционной лингвистики понимается по-разному. В работах некоторых современных исследователей используется номинация *традиционная лингвистика* в каком-то неопределённом смысле, примерно, как та лингвистика, которая существовала до работ данного исследователя и не занималась теми проблемами, которыми занимается он. Такое впечатление сложилось у меня при знакомстве с [8]. Выбор именно этой статьи обусловлен её интересным названием. Словам *tuna* и *like* присваивается статус «новых резидентов» в «доме нашего бытия». Отмечается, что «одним из заметных явлений в современной языковой практике стало частое употребление слов *tuna* в русском языке и *like* в английском языке» [цит. раб.: 63]. В языковой практике это, действительно, новое явление, но являются ли эти слова «новыми резидентами».

С точки зрения системоцентрического подхода выражения с *tuna* и *like* представляют собой особые синтаксические конструкции. Назовем их «*tuna*-конструкциями». Анализ языкового материала (например, таких высказываний, как *Он, tuna, женат*) позволит исследователю сделать вывод об их некодифицированности, но конвенциональности. Прагматический смысл приведённого выше высказывания может быть самым разным: «он формально женат, но в семье не живет»; «он живет в гражданском браке» и др. Выделение

на письме с помощью запятых подчёркивает вставной характер компонента *мина* в рассматриваемой конструкции (Ср. *Это учреждение нового типа*).

Рассмотрение употребления *мина*-конструкций в речи, в языковой практике предполагает переход от языкового системцентризма к антропоцентризму, например, к анализу записей речи носителей языка.

Антропоцентрический подход требует постановки определённых задач и применения адекватных им методов. Так, при анализе социальной практики употребления *мина*-высказываний возникает вопрос о социальной среде, сферах употребления и т.д., и в какой-то степени вопрос о причине появления подобных высказываний.

В [8] слова *мина*, *like* квалифицируются как «маркеры недостаточной асертивности». Для обоснования подобной квалификации автор воспользовался результатами «тщательного изучения записей разговоров подростков», проведенного М. Сигел [10]. Анализ разговоров подростков позволил М. Сигел сделать вывод о том, что слово *like* употребляется в ситуациях, когда говорящий крайне неуверен в том, что он говорит.

Т.М. Михайлова предположила (пока интуитивно, как она сама отмечает, – В.И.), что выводы М. Сигел верны. Признание правильности выводов о возникающем у говорящего чувстве неуверенности, позволило Т.М. Михайловой назвать слова *мина*, *like* «маркерами недостаточной асертивности».

«Истоки неуверенности» найдены автором рассматриваемой статьи в негативной роли Интернета. По словам Т.М. Михайловой, «погружение современного человека в необъятное море информации не способствует развитию когнитивных способностей, необходимых для ориентирования в текстовом поле языка» (ссылка на работу А.В. Кравченко [6]). Делается следующее заключение: «Неспособность адекватно интерпретировать тексты (в том числе и электронные) постепенно лишает человека уверенности в том, что знание, которым он располагает, может служить ему надёжной опорой во взаимодействии с другими». Все это, якобы, и способствует развитию той неуверенности, которую ищет автор. Размышления о причинах неуверенности автор заключает словами: «А поскольку мы, как люди, существуем в языке как доме “нашего бытия”, эта неуверенность не может не отразиться в самом этом языке» [8]. А если отвергнуть все эти сложные объяснения причин появления неуверенности и предположить, что *мина*-конструкции появляются в речи говорящих вследствие «речевой лени», нежелания утруждать свой мозг работой по подбору адекватного способа вербализации описываемого, довольствованием приблизительностью описания. Какие доказательства найдутся у автора, чтобы опровергнуть эти предположения?

Подвергая критике традиционное языкознание, Т.М. Михайлова, отмечает, что, причина того, что лингвисты видели в словах *мина* и *like* слова-паразиты, частицы дискурса, дискурсивные маркеры и не смогли объяснить их сущность, кроется в неадекватном определении объекта, а вместе с ним и предметной области лингвистики» [цит. раб.: 67].

Сомнительной представляется надежда автора на то, что анализ маркеров недостаточной асертивности с биокогнитивных позиций позволит проследить истоки возникновения *мина* и *like* и объяснить их ориентирующую

роль в языковых взаимодействиях [8]. Вряд ли приходится надеяться на то, что современный антропоцентрический подход в подобном исполнении приведёт к установлению сущности рече-языковых явлений. Представляется, что системно-антропоцентрический подход даст возможность лингвистике оставаться наукой о языке, языках и человеческой речи и приведёт к разработке инструментария для исследования речевой системности.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. 432 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. 607 с.
3. Городецкий Б. Ю. От редактора // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 5–6.
4. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 223–234.
5. Иванова В.И. Объект лингвистики речи // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 2. С. 49–53.
6. Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысливая познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 389 с.
7. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 7–21.
8. Михайлова Т.М. *Tuna* и *like* в «доме нашего бытия» // Вестник Тверского университета. Серия: Филология, 2015. №2. С. 70–75.
9. Степанов Ю.С. Принципы и методы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 211 с.
10. Siegel M. *Like: the Discourse Particle and Semantics* // *Journal of Semantics*, 2002. Vol. 19(1). Pp. 35–71.

SYSTEMANTHROPOCENTRIC LINGUISTICS

V.I. Ivanova

Tver State University, Tver

Traditional linguistics and contemporary linguistics are viewed from the point of view of their attitude to the two main approaches in linguistic investigation – systemcentric and anthropocentric; contemporary linguistics is considered to be systemanthropocentric, the start to such approach was given by the theory of speech acts.

Keywords: *traditional linguistics, contemporary linguistics, systemcentric, anthropocentric, approach.*

Об авторе:

ИВАНОВА Валентина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: v.i.ivanova@rambler.ru

